

А. РУМШЕВУ

22248

2.

Тадки

РИСУНКИ СКУЛЬПТОРА ИВ. ЕФИМОВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Handwritten scribbles and illegible text in the top left corner.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

УД 78437

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

А. РУМШЕВИЧ

P 863

Г А Ф И З

РИСУНКИ
Ив. ЕФИМОВА

0,15

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

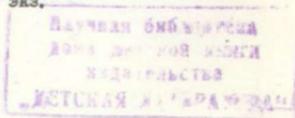

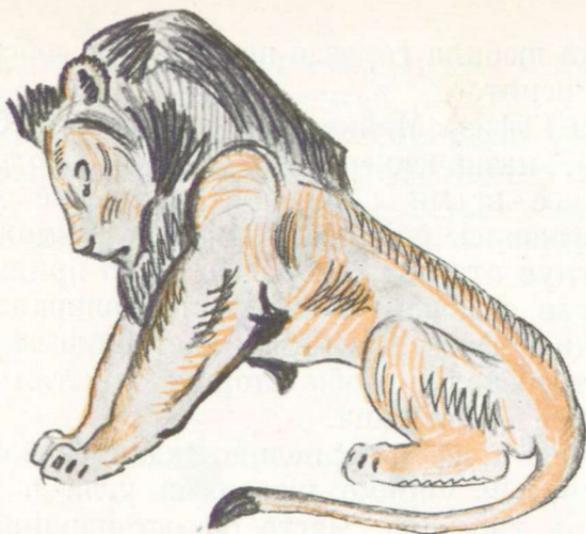
986757

Гиз № 22248.

Ленинградский Облит № 51661.

1 л. Тираж 7 000 экз.

ГАФИЗ

В Зоологическом саду был молодой красивый лев, рожденный здесь, в неволе. Его звали Гафизом. Вскормила его и воспитала собачка Майка.

Майка дожила до глубокой старости и, тем не менее, щенилась, когда раз, когда два ежегодно. Она была нежной и заботливой матерью, тщательно вылизывала своих детенышей, искала у них блох и аккуратно исполняла все свои материнские обязанности. Однако хозяин ее, заведующий Зоологическим садом, и сторож, выходявший собачку, давно заметили, что выкормыша своего Гафиза

Майка любила гораздо нежнее, чем собственных щенят.

Без Гафиза Майка явно тосковала. Кроме часов, назначенных для еды и прогулок, она все время проводила в клетке льва. Набегавшись по дорожкам сада, мимоходом испугнув птиц за изгородью и, по привычке, обругав обезьян, Майка останавливалась у клетки Гафиза. Громким, настойчивым лаем она требовала, чтобы сторож впустил ее в жилище ее питомца.

И лев тоже нетерпеливо ждал ее возвращения. Он упрямо шагал из угла в угол, шевеля хвостом. Часто он останавливался, устремив горящий взор желтых глаз на дорожку сада или на дверь, замыкавшую широкий коридор, который разделял клетки хищников.

Заслышав лай Майки, похожий на колокольчик, или издали заметив ее на дорожке, Гафиз начинал волноваться. Он садился на задние лапы и рычал грозно и нетерпеливо. Похоже было на раскат грома.

Это он, в свою очередь, требовал сторожа.

Трогательно было видеть их встречу. Крутя коротеньким хвостиком, собака кидалась к Гафизу, хватала его за морду, висла на его гриве, уцепившись за нее зубами и при этом звонко лаяла. Гафиз ложился на бок, вытянувшись во весь рост, и собака начинала

облизывать ему морду, глаза, уши и ноздри. Она искала блох в желтой львиной шерсти и деловито щелкала зубами. А Гафиз вздыхал, с наслаждением закрыв глаза. Иногда он тихо урчал. Казалось, он опять становится маленьким львенком, и тоска неволи покидала его

рядом с Майкой. Всего сильнее эта тоска охватывала льва в час солнечного заката. Гафиз не знал ее в детском возрасте, когда рос в одной клетке с тигренком и двумя медвежатками.

В другом домике, рядом, доживал свой век великолепный лев из Абиссинии.

Этот лев родился в пустыне, на свободе; его поймали и заперли в клетку еще молодым.

Как бы крепко ни спал этот старый лев после своего обеда, приходившегося в четыре часа пополудни, но в торжественный момент солнечного заката он поднимался на ноги. Вскинув вверх свою обрамленную рыжей гривой голову, он испускал отрывистый и грозный рев. Лев как бы прощался с солнцем и приветствовал падающую ночь, когда хищники выходят на добычу.

Но в душе Гафиза этот привет грядущей ночи будил глубокое волнение.

И, как эхо в скалах, в ответ на этот потрясающий рев Гафиз, вскочив на ноги и подняв вверх голову, отвечал старому пленнику таким же троекратным криком. В Гафизе пробуждались заглохшие в неволе инстинкты хищника.

Все смолкало в саду. Даже зазорные какаду прекращали свою брань с попугаями «араксами». Обезьяны, взъерошив шерсть и вздрагивая, замирали, прижав к груди детенышей. Газели, зебры, даже громадный горбатый бык як вздрагивал и ложился на землю или на пол, стараясь стать меньше и незаметнее.

* * *

Всех поражала привязанность льва к собаке. Когда она щенилась и дня два или три не являлась в клетку Гафиза, он отка-

звался есть и быстро худел. Он так привык спать с собачкой, что страдал настоящей бессонницей в ее отсутствие.

Майка любила играть с своим питомцем. Игра состояла в том, что, присев на передние лапы, Майка оглушительно и вызывающе лаяла на Гафиза. Она заставляла его подняться, если он лежал, а затем прыгала ему на спину, теребила его за загривок. Затем

Майка прыгала льву на грудь, старалась достать до морды и сердилась, если лев уклонялся от ее проделок. Она ловила и дергала кисточку его хвоста и всячески злоупотребляла его терпением. Однако, лев всегда оставался осторожным. Инстинктом он понимал, что легким ударом лапы он может переломить хрупкую спину собачки.

Один раз все-таки вышла неприятность. Сторож, подметавший коридор, с удивлением услышал яростный лай Майки. Бросив щетку, сторож кинулся в клетку Гафиза и невольно рассмеялся. Лев лежал, уткнувшись носом в пол и закрывая морду обеими лапами, как он это делал в детстве, получая трепку от своей воспитательницы, а Майка сидела у него на спине и, сердито лая, всерьез кусала его за уши и трепала его гриву. Собственное ухо ее было в крови.

— Вон оно что! — догадался сторож.

Действительно, увлекшись игрой, Гафиз нечаянно содрал зубами кожу с Майкиного уха.

Сторож насилу оторвал рассвирепевшую Майку от Гафиза и отнес ее к хозяину.

— Ну, будет тебе злиться, — говорил сторож отбивавшейся Майке. — Не видишь разве, что он прощения у тебя просит?

Майка была вспыльчива, но отходчива. Когда хозяин арникой примочил ей ухо,

она опять стала проситься к Гафизу. Но ее два дня не выпускали в сад, пока не закрылась ранка.

Но всему на свете приходит конец. Пришел конец и Майке.

Болезнь сердца подкралась к ней незаметно и стала быстро развиваться. Новый доктор при Зоологическом саде, известный Т-кин, говорил не раз, что причину болезни собачки он видит в том, что она воспитала хищников. На этот подвиг она положила столько сил, что это не прошло для нее безнаказанно.

Майка давно уже отяжелела. Резвость ее пропала. Она не могла уже прыгать и бегать попрежнему. Мешала одышка. Она становилась год от году более раздражительной и капризной. Даже щенятами своими она заметно тяготилась и кормила их недолго. Торопливо облизав и поискав у них блох, Майка грузно вылезала из корзины и торопилась уйти... Куда? Конечно, к Гафизу.

Они теперь почти не расставались. Днем собака крепко спала между могучими лапами льва. Ей теперь приносили обед в клетку Гафиза. Когда Гафиз был маленьким, Майка часто уступала ему свои лучшие кусочки. Теперь она огрызалась, если лев во время еды двигал хоть одним членом.

Она стала жадна и себялюбива.

Вечером, верная своему долгу, Майка (у нее были щенята) неохотно вставала, вызывая лаем сторожа, и медленно шла домой.

Тогда только Гафиз без помехи подбирал недоеденные собачкой куриные косточки и вылизывал ее миску.

И надо было видеть, как торопилась Майка отужинать дома и отделаться от всех своих обязанностей! Помахивая еле заметным хвостиком, собирая последние остатки жизнерадости, когда-то бившей в ней ключом, старушка лаяла у двери хозяина, просясь на волю.

Восторженно мчалась она под вечерним небом по знакомым дорожкам сада. Но живости хватало ненадолго. Ее бег замедлялся.

Медленно плелась она мимо клеток всех когда-то враждебных ей зверей. Со многими она всетаки свыклась за эти годы. Но ничто уже не развлекало ее в саду. Не тянуло ее подразнить верблюда. Старый, когда-то

плевавший злобно на щенка-Майку, уже издох. А в его изгороди ходил другой, губастый, молодой и кроткий. Свесив большую нижнюю губу, он с недоумением глядел на бесновавшуюся собаку. И той скоро надоело задирать его... Не манило ее по-старому обругать обезьян. Многие из этих врагов Майки тоже околели. Стояли холодные зимы, и животные, привыкшие к тропической жаре, простужались и умирали. Выживали только те, что родились в неволе и с детства привыкли к суровым русским зимам.

И запах лисиц, когда-то волновавший горячую кровь охотничьей собаки, оставлял теперь Майку глубоко равнодушной. Она бежала мимо, брезгливо фыркая и чихая.

Два раза нашли собачку в обмороке, в саду по дороге к клеткам хищников.

Инстинктом почуявший беду, не дождав-шись собаки, близость которой лев обонял,— он поднял такой страшный, несмолкаемый, отчаянный рев, что люди поспешили в сад. Майку отнесли было к хозяину, дали ей лекарства и не хотели ее беспокоить. Но рев Гафиза не смолкал. Весь зверинец всполошился, а Майка, слыша издали крики своего любимца, поползла к двери и жалобно попросила выпустить ее.

Лев смолк, услышав, что приближаются люди. Как нежно лизал он своим колючим языком шерсть собачки!

Вскоре после этого Майка скончалась в клетке у Гафиза. Это вышло неожиданно и быстро. Гонимая смертной тоской, собачка подползла к двери и, задыхаясь, упала на бок. Струйка крови вытекла из ее рта на песок. Сердце затрепетало и остановилось.

Гафиз обнюхал неподвижную собаку и завыл так жалобно, что хищники проснулись в испуге и завыли.

Это было ночью.

До зари Гафиз издавал отрывистые звуки, полные боли и похожие на болезненный кашель.

Утром сторожа нашли его забившимся в угол. Он дрожал, издали глядя на окоченевшую у двери собаку.

Труп унесли.

— Что нам делать с Гафизом? — тревожно спросил сторож заведующего. — Вот уже третий день до мяса не дотронулся, только

воду пьет. И не спит ни чуточки. То скулит, то воет, — слушать жутко.

Все жалели умное животное, всем понятна была его печаль.

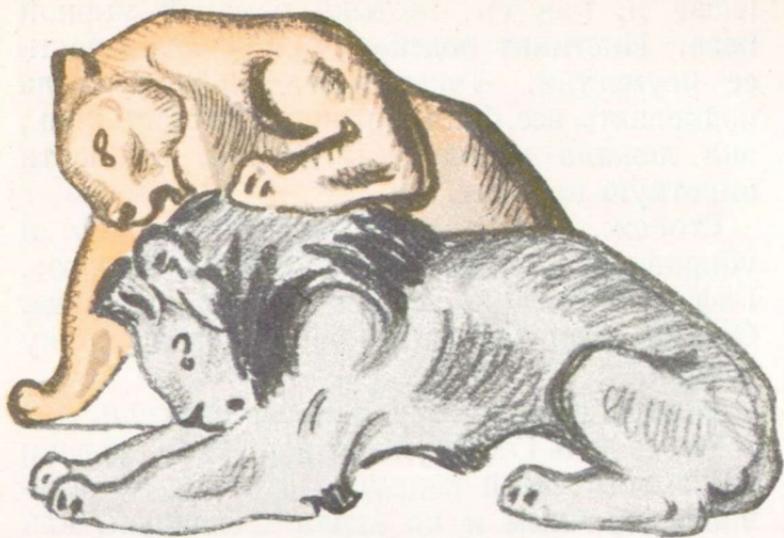
Он начал есть понемногу, но тоска его не проходила. Целый месяц пролежал он в углу, ничем не интересуясь. Ночью, подойдя к двери, он обнюхивал то место, где лежала мертвая Майка, и начинал стонать, как бы от невыносимой боли.

Заведующий придумал чем развлечь его.

Однажды к клетке Гафиза пододвинули тихонько другую клетку, в которой сидела молодая, красивая львица. Сутки простояли клетки рядом, и львица тщетно старалась привлечь внимание Гафиза. Она шаловливо прыгала, падала на пол, умильно урчала, словно звала его.

Гафиз перестал стонать, но не покидал своего угла и как бы не замечал свою соседку.

На вторые сутки хвост его стал нервно бить по полу. Его как будто раздражала близость желтой красавицы. Его сощуренные— глаза исподтишка следили за ее грациозными прыжками и красивыми движениями. На четвертый день ловко и незаметно раскрыли соединенные вплотную двери их клеток. Львица все еще не решалась войти к своему суровому соседу. Но она звала его к себе в гости...

На пятый день она рискнула войти в клетку Гафиза. Он встретил гостью довольно угрюмо. Она, однако, не обиделась. В ней было так много молодых сил, ей так хотелось прыгать и резвиться... Полежав почтительно у входа, она стала ходить по клетке и тереться спиной и головой о прутья. Однако, к тому углу, где лежал Гафиз, она все-таки не решилась подойти.

Наконец, осмелев, она подползла ко льву. Видя, что он не открывает глаз, она ласково ударила его лапой по лбу. Он сердито зарычал в ответ и оскалил зубы. Она притихла и, положив морду на лапы, сама закрыла

глаза и, как он, застыла в самой мирной позе. Инстинкт подсказал ей, что веселость ее неуместна. Тогда незаметно она стала подползать все ближе, и когда настала ночь, она лежала неподвижно, робко, но почти вплотную ко льву.

Сторож, подметавший утром коридор и убиравший клетки, нашел их в той же позе. Гафиз молчаливо терпел близость львицы. Она же осторожно и нежно лизала его спину и уши.

В этот день клетку львицы вынесли.

Через день Гафиз уже не ворчал на прыжки и шалости своей подруги. Но сам он оставался мрачным и не играл с львицей, как некогда играл с Майкой.

9867 92

Библиотека
Музей
Исторический
Музей
Исторический
Музей
Исторический

257986

Научно-исследовательский
институт истории и
этнографии
Казанского университета

25 коп.

Н

